

А Н Д Р Е Й М А К А Р Е В И Ч

Вначале
был
ЗВУК

Андрей Вадимович Макаревич

Вначале был звук: маленькие иSTORYи

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6559977

Вначале был звук : маленькие иSTORYи / Андрей Макаревич: Эксмо;

Москва; 2010

ISBN 978-5-699-40983-9

Аннотация

Вся наша жизнь состоит из маленьких историй, зарисовок, мелких штрихов, в виде которых проявляются различные стороны человеческого бытия. Люди, предметы, события – значительные и незначительные – все это объединяет проза известного рок-музыканта Андрея Макаревича. Ироничные рисунки автора как нельзя лучше отображают тонкие нюансы нашего существования.

Про добрых и злых... Про бедных и богатых... Про рай и ад... Про калькулятор гармонии... Словом, про все, чем мы живем... И все-таки – вначале был звук...

«Для каждого из нас лучше то, с чем он вырос, под чью музыку впервые поцеловал девушку и проснулся наутро рядом с ней. Музыка – лишь часть общей картины счастья».

Содержание

Вначале был звук	5
Звуки детства	8
И снова про битлов	28
Что такое музыка	35
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Андрей Макаревич

Вначале был звук:

маленькие иSTORYи

© А. Макаревич, 2010

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2010

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Вначале был звук

Каждый из нас когда-то слышал, что восемьдесят процентов информации поступает человеку через глаза. Не знаю, кто автор этой сентенции. И каким об разом производились подсчеты. И вообще, что имеется в виду под информацией. Если исключительно содержащаяся в тексте – тогда да, конечно. Восемьдесят процентов – через глаза. А оставшиеся двадцать – через уши, по радио. Но мне кажется, что понятие «информация» – гораздо более широкое. И шум дождя сообщает тебе о том, что идет дождь, ничуть не хуже, чем круги на лужах, видимые глазами.

А теперь представьте себе железнодорожную катастрофу, которую вы наблюдаете с небольшого расстояния. Представили? А теперь разделите изображение и звук. Разделили? А теперь прокрутите перед своим внутренним взором сначала картинку, а потом ее звуковое сопровождение. И ручаюсь вам: картинка без звука оставит вас вполне равнодушным, а звук без картинки приведет в ужас. И если это так, то что тогда главнее?

Все мы знаем, как может напугать нас неожиданный громкий звук. Даже самый простой, вроде лопнувшего шарика над ухом. Что-то я не могу представить себе какую-либо неожиданную картину, способную нас напугать – если она лишена звуковой поддержки. Даже привидения в фильмах-страшилках режиссеры заставляют выть. Хотя настоящие привидения выть, наверно, не умеют.

Ночью мы спим. И глаза наши спят. А уши – нет. И будит

нас звук. Странно, правда?

Если мы не хотим что-то видеть, мы закрываем глаза. Не руками, нет – у нас есть веки. А на ушах век нет, и руками затыкать их весьма неудобно. То есть природа разрешает нам иногда оставаться без зрения, и не разрешает без слуха. Значит, что с точки зрения природы важнее?

Возможность видеть мы получаем, появляясь из утробы на свет, да и то первые месяцы наблюдаем картину вверх ногами. А звуки начинаем слышать значительно раньше – на девять месяцев. Мой сын вел себя в животе у матери очень беспокойно, но неизменно затихал, как только начинала играть громкая хорошая музыка.

И вообще – если вначале было Слово, то Слово это было произнесено, а, скажем, не написано: не на чем еще было. Звук? Звук.

А восемьдесят, значит, через глаза? Ошибочка, граждане! Если убедил – пошли дальше.

Звуки детства

AK
Август Род
2006

Пытаюсь нарисовать картину из звуков своего детства, роюсь в памяти. Радиоточка. Или трансляция. В общем, радио. Эта пластмассовая коробочка стояла в каждой квартире, в каждой столовой, в любой парикмахерской. Коробочка всегда

была желтая или розовая – веселенького цвета. На фасадной ее стороне располагалось окошко для динамика, затянутое веселенькой же тряпочкой и одна ручка – включение, она же громкость. Сзади – картонная крышка с круглыми отверстиями и провод. Провод вставлялся в специальную розетку – как для электричества, но поменьше, чтобы не перепутать. Все.

Сколько я помню, коробочка всегда и у всех находилась во включенном состоянии. Могло быть тише или громче. Коробочка вещала. Текстовая составляющая проходила мимо меня, не оставляя следов (в три-то года!). Разве что застревало в голове какое-нибудь непонятное слово («Телефон: Миусы Д-1...» Какие такие миусы? До сих пор мучаюсь.). В десять утра сажали слушать детскую передачу. Заставочка: на пианино, наверху, незатейливо – «Мы едем-едем-едем в далекие края...» И сразу, фальшиво-добрым старческим голоском: «Здравствуй, мой маленький дружок! Сегодня я расскажу тебе сказку...» Не нравилось: дядька кривлялся. Все равно слушал. Выбора не было. Иногда в передаче появлялось двое детей – кажется, Мишенька и Машенька. Я понимал, что это ненастоящие дети, а две взрослые тетки – одна, с голосом потолка и, наверно, сама поздоровее – за Мишу, а вторая, совсем писклявая – за Машу. От них было еще противней. Иногда приходил Захар Загадкин, пел песенку, загадывал детям загадки. В 11.00 – «Доброе утро, товарищи! Начинаем производственную гимнастику! Первое упражне-

ние – потягивание. Встаньте прямо, ноги на ширине плеч – и (под пианинку) раз, и два ...»

Бедные мы, бедные.

В воскресенье, правда, было повеселее (может быть, потому что родители были дома – уже праздник!). Воскресная передача «С добрым утром!» Песня: «Друзья! Тревоги и заботы сегодня сбросьте с плеч долой – чем тяжелей была работа, тем краше день твой выходной! Воскресенье, день веселья, песни слышатся кругом – с добрым утром, с добрым утром и с хорошим днем!». Пелась задушевым, почти человеческим голосом.

Ну да, выходной был один – в воскресенье.

А живые, человеческие голоса звучали из трансляции очень редко. Дикторы говорили не как живые люди – медленно, торжественно, и с какой-то совершенно особенной интонацией, которую ни описать, ни воспроизвести не берусь (кончилось это, кстати, совсем недавно – с появлением FM. Нет, раньше: Виктор Татарский с опальной передачей «Запишите на ваши магнитофоны». Он уже говорил по-другому. Но до этого еще двадцать лет.) В трансляции иногда пели: мужчины – патриотические и военно-патриотические песни, женщины – русские народные. Мужчины пели грозно и утробно, женщины – как бы веселясь, специальными русско-народными голосами, с завитушками в конце фраз. Пытаюсь понять: почему мне, маленькому, не нравилось. Так вот: клянусь, я чувствовал, что они притворяются, поют не

так, как хотят, а как надо.

Дети ведь очень здорово чувствуют фальшь. Лучше взрослых.

Неудивительно, что когда вдруг появлялась песня с человеческой мелодией и спетая человеческим голосом – она сразу становилась народной – на таком-то фоне. «Ландыши», «Я люблю тебя, жизнь», «Подмосковные вечера»... У всех этих песен была непростая судьба – советско-партийное руководство сопротивлялось, искало пошлость, не пускало в эфир – кожей чуяли человеческое, собаки. Слово «сексуальность» применительно к артистке было просто немыслимо – даже «женственность» не очень приветствовалось – не время, товарищи! Поэтому певицы в лучшем случае изображали таких дурочек с бессмысленной улыбкой и легким покачиванием головой – остальные детали тела должны были оставаться неподвижными. Мужским певцам полагалась поза а-ля Кобзон – ноги на ширине плеч, руки по швам. Когда (двадцать лет спустя!) появился молодой Валерий Леонтьев, который просто не мог стоять на месте, его на экране до пояса закрывали какой-нибудь декорацией – картонным кубом, например, чтобы не было видно, как он вертит попой. С добрым утром, товарищ Лапин! Об этом можно написать отдельную книжку.

Сейчас перечитал и ужаснулся: вроде как жил маленький мальчик в глухой ненависти к окружающей звуковой среде. Нет, конечно – какие-то вещи завораживали: голос молодой

Эдиты Пьехи в сопровождении ансамбля «Дружба», вокальный квартет «Аккорд», волшебное пение грузинского ансамбля «Орэра». Еще кое-что, о чем ниже. Просто они все были в меньшинстве, вываливались из общего фона.

Приходил с работы отец, садился за пианино. Пианино называется «Красный Октябрь», оно одето в серый льняной чехол. Отец приподнимает чехол, открывает ему пасть, полную белых и черных зубов, пробегает по ним руками. Здорово. Я хочу играть как отец, но понимаю, что это невозможно – руки у меня в два раза меньше, и я еле-еле достаю до клавиатуры носом. Единственная пьеса, которую я могу исполнять – «Гроза». Для этого надо положить много книжек на стул – для высоты, потом на них забраться, открыть тяжеленную черную крышку. Пьеса «Гроза» – импровизационная, я придумал ее сам. Клавиши справа от меня – самые высокие – изображают молнию, клавиши слева – низкие – гром. Все что посередине, между ними – это, видимо, дождь и вообще течение жизни. Я недоволен своим исполнительским мастерством, поэтому играю пьесу «Гроза» сам для себя, днем, когда никого нет дома и никто не слышит (няня не в счет, ей неинтересно). Приходила подружка со двора – Оля. Оля старше меня года на два, няня ругается, говорит, что она шалашовка. Не знаю такого слова, проникаюсь уважением. Оля показывает мне, как играть на пианино собачий вальс. Мне не нравится – там все время по черным, противно. И вообще отец играет лучше. Собачий вальс не пошел.

На пианино стоит телевизор, он называется КВН. Маленький серый его экранчик прикрыт выпуклой линзой, в которую налита вода. Страшно интересно! Линзу можно выдвигать вперед, и тогда экранчик кажется больше и больше, пока края его не начинают совсем расплываться. Вечером начинается передача – программа пока одна, но говорят, что скоро сделают вторую. На экране крутится телебашня – ее показывают изнутри, снизу в вверх, она вся прозрачная и сделанная из палочек, хор поет непонятную белиберду: «Москва ты самая какая-то красавица, бесконечная родимая земля, и неба синего нарядного красавица звезды алые Московского Кремля!» Сложение большого количества мужских и женских голосов звучит удивительно нехорошо. Долго после этого не любил хор вообще, пока уже лет в пятнадцать не услышал, как он на самом деле должен звучать: на пластинке Гордона Дженкинса. (Оказывается, нехорошо – это когда все поголовно мужчины и женщины поют с партийной интонацией и при этом не очень чисто.) Все остальные звуки, которые издавал КВН, были гораздо приятнее: песенка перед детской передачей («Начинаем, начинаем, начинаем передачу для ребят, в это время все ребята, все ребята к телевизорам спешат. Вы слышите, друзья, часы стучат, не будем больше ждать – начинаем передачу для ребят!») Передача идет каждый вечер, мне ее включают в обязательном порядке. Там тетя Валя и два кукольных мальчика: Шустрик и Мямлик. Песенка нравится больше, чем сама передача – они

говорят какую-то ерунду. Еще перед футболом духовой оркестр играет восхитительный футбольный марш (до сих пор хочу узнать имя автора – действительно отличный марш!). А еще по телевизору все время перерывы (естественно почти все программы идут в живой трансляции, и надо перетаскать камеру из одной студии в другую). В этот момент на экране появляется мультяшный человечек, его зовут Тритатушкин, у него в руках ведро краски и кисть, он пишет на экране слово «Перерыв» и при этом поет песню: «Тритатушкин, тритата, перерывчик, тритата!»

Не помните? То-то! А пластинки? Волшебные черные переливающиеся диски. Они в конвертах из оберточной бумаги, друг на друга без конвертов их класть нельзя: царапаются. Посередине – круглая наклейка голубого цвета, написано: «Ме лодия» и цифры – 33 и $\frac{1}{3}$. Я уже знаю, что это – скорость вращения пластинки, это пластинки новые, потому что у нас еще есть старые – толстые, тяжелые, и на них написано – 78 об. мин. Там на стороне только одна песня, а на новых – четыре или даже шесть! На проигрывателе специальный переключатель скорости: 78–45 – 33 $\frac{1}{3}$ (сорок пять – это вообще непонятно зачем, у нас в стране и пластинок таких нет, только за границей). Очень смешно получается, если взять старую пластину – на ней записан фокстрот «Марина» – и завести на 33. Дядька поет очень тягуче и нечеловеческим басом. А если наоборот – какую-нибудь новую на 78 – еще

смешнее: ансамбль буратин. Отец не разрешает, говорит, что от этого пластинки портятся. Я, в общем, к ним и не прикасаюсь – отец их заводит сам, если только не играет на пианино (так что звуки радио – это долгий день с момента ухода родителей на работу до их возвращения). Отец ставит печальную тягучую музыку, я знаю, что это называется «Рахманинов», или сборник «Вокруг света» – у нас их много, там песни на иностранных языках. Мне нравится на польском и английском. На польском смешно, а на английском как-то все по-особенному звучит: там есть что-то неуловимое, и вот оно как раз нравится, и хочется покачиваться в такт. Есть еще пластиночка бразильского квартета «Фарроупилья» (был в Рио-де-Жанейро пару лет назад в самом большом пластиночном магазине – не нашел! Даже не слышали про такое. Годы, годы...) Советский Союз наверно тогда дружил с братским народом Бразилии, иначе с чего бы эту «Фарроупилью» у нас напечатали. Вся страна пела вслед за ними: «Ма-ма-йо кера! Ма-ма-йо кера!» Но любимая моя была не эта. Она называлась «Самба должна иметь пандейру». Я не знал, что такое «самба», тем более – что такое «пандейра», и каким образом первая собирается иметь вторую. Но красота названия завораживала. Вообще бразильская фонетика очень близка к русской, и в текстах «Фарроупильи» мне тут и там слышались обрывки русских фраз, совершенно лишенные смысла и тем особенно привлекательные. Так вот, «Самба должна иметь пандейру» просто подбрасывала. Я готов был слушать

ее бесконечно. (Невероятно – эта пластинка у меня сохранилась, правда за треском и шипом музыки уже почти не осталось. Зато есть целых две того же года и почти непыленные – одну нашел мне критик Петр Шепотинник, другую принесла добрая пожилая женщина-учительница, когда я по радио рассказал о своей мечте – вернуть самому себе любимую песню спустя пятьдесят лет. Ребята! Это не тот случай, когда в детстве влюбился в какую-то ерунду – это действительно убойный номер. Сейчас самбу так уже не играют и не поют.)

Прошел на экранах страны совершенно потрясающий «Последний дюйм». Нет, бывали проколы у Совка – не уследили (мало того – еще и премий надавали. Оттепель еще не кончилась, видимо). Во-первых, по рассказу буржуазного писателя Джеймса Олдриджа. Во-вторых, про не нашу жизнь и снят как-то не по нашему (тогда просто чувствовалось, а сейчас очень заметно, видимо, режиссер Вульфович был большим стилигой, или, по словам А. Козлова, «штатником»). Сам Кусто подарил режиссеру свои документальные съемки акул, рвущих мясо. И музыка в фильме была какая-то не наша, другая – все время играет в голове, а хочешь напеть – не получается. Не «Ландыши».

В фильме звучали две песни: про маленького тюленя и «Тяжелым басом гремит фугас...» «Маленький тюлень» особенно не зацепил, зато вторая засела в голове клином. Пелась она трагическим баритоном, и мальчик из последних сил тащил израненного акулами отца к самолету по раска-

ленному песку, и морские волны тяжело разбивались о берег в такт. Слова у песни были тоже трагические и непонятные – какой такой Боб Кеннеди (я сперва думал – Бобкин Нэди) пустился в пляс? И вообще – «Какое мне дело до всех до вас, а вам – до меня» – слова, в советской песне тех лет в принципе невозможные. Боюсь, сейчас это уже непонятно.

Мы сели с отцом подбирать песню про Бобкина Нэди – не получилось: чуть-чуть, а непохоже. Тогда отец пошел в нотный магазин и в сборнике «Песни радио и кино» нашел ноты этой песни (интересно, кстати, сейчас такое есть?). Нот мы с отцом не знали, поэтому усадили за пианино маму, которая до войны закончила музыкальную школу, и она, чертыхаясь и запинаясь, кое-как нам эту песню сыграла. Песня оказалась в сложной тональности – до-минор. Целых три бемоля!

До сих пор моя любимая тональность. Смешно, правда?

В эти же годы ко мне привели учительницу музыки – Сару Семеновну (в музыкальную школу было рано по годам.) Сара Семеновна не понравилась: у нее были какие-то злые треугольные серьги из черного блестящего камня и темно-малиновые ногти, загнутые внутрь, как у хищной птицы. Мы не полюбили друг друга. К тому же я возненавидел ноты. Насколько живыми казались звуки – настолько мертвым выглядело их письменное воплощение – бездушные черные букашки, посланцы чужих миров. Не нравилось все: почему это в скрипичном ключе «до» на одной линейке, а в басовом совсем на другой – это же неудобно! И как это возможно чи-

тать глазами две строчки нотного стана – для правой и левой руки – одновременно? (Это, кстати, до сих пор не понимаю: вы же, читая книгу, не можете читать сразу две строки? Вот и я не могу. Ленин, говорят, мог читать сразу страницу – по диагонали. Так я не Ленин. Да и врут, скорее всего, ничего он не мог.) Обладая хорошей музыкальной памятью, я насобачился обманывать Сару Семеновну: просил ее сыграть для меня пьесу пару раз «с выраженьем», как она сама говорила, и ухитрялся выучить ее от начала до конца. После чего играл пьесу по памяти, с лживым вниманием глядя в ноты. Скоро Сара Семеновна меня раскусила: я не мог запомнить, в каком месте надо переворачивать нотную страницу (на это памяти уже не хватало) и на этом попался. Вместо того, чтобы похвалить ребенка за прекрасную музыкальную память, Сара Семеновна устроила скандал с привлечением родителей, и мы расстались.

Как я был счастлив!

Счастье продлилось недолго – меня определили в музыкальную школу. Помню, мне там сразу не понравилось. То есть не нравилось уже заранее – я предчувствовал, что заставят вернуться к ненавистным нотам. Предметов оказалось сразу несколько: инструмент, сольфеджио, хор... Сейчас я понимаю, что интерес к предмету целиком определялся тем, насколько мне нравился преподаватель (в обычной школе, кстати, было то же самое). Класс фортепиано преподавала мне Елена Валентиновна, и никаких следов в душе моей она

не оставила – она сама была какая-то никакая: ни злая, ни добрая. Учительницу сольфеджио не помню вообще, хотя само слово «сольфеджио» очень нравилось – как из сказки. Да и предмет был не лишен интереса – надо было угадывать расстояния между двумя нотами (они назывались «интервалы»). У кого-то получалось, у кого-то – нет. А вот преподаватель хора Юрий Ефимович понравился сразу – он же по совместительству был директором школы. На первом занятии он сказал нам: «Наверно, каждый из вас перед сном в голове слышит небывалую музыку? (“Да, да!” – закричали мы.) «Так вот, кто сумеет ее записать на ноты, тот и композитор!» – «Как просто!» – подумал я.

Поди запиши.

Впрочем, я и не собирался становиться композитором.

И вообще никто не планировал делать из меня музыканта. Слух у меня оказался неабсолютный, а мизинцы на обеих руках были тонкими и гнулись во все стороны вопреки анатомическим знаниям о строении человеческой руки, поэтому взять таким мизинцем какую-нибудь громкую отрывистую ноту (иначе говоря, «форте стаккато») было просто невозможно. Помню, Елена Валентиновна даже демонстрировала мои руки другим преподавателям – дескать, ну как с таким материалом работать! Я злорадно чувствовал, что пребывание мое в музыкальной школе будет недолгим. Однако потребовалось еще два с половиной года на то, чтобы сломить сопротивление моих родителей (в основном, мамы).

Ничему меня в этой школе не научили.

Классе в шестом потянуло на гитару.

Я не знаю почему. В доме у нас никто на гитаре не играл. И вообще, примеров, вдохновляющих на подражание, вокруг не наблюдалось. Ну да, отец переписал на наш маленький магнитофон «Филипс» (чудо света!) у соседей по даче Окуджаву вперемешку с какими-то полублатными весельчаками. Окуджава понравился, в отличие от весельчаков, но не настолько, чтобы сразу хвататься за гитару. Нет, просто что-то носилось в воздухе.

Да и гитары у меня нет. Гитара висит на стене в доме нашего дачного хозяина (мы снимали дачу в Валентиновке). Хозяина зовут Александр Исидорович, он играет с отцом в шахматы, задумчиво шипит, выпуская воздух – «ш-ш-ш...» Гитара принадлежит его сыну Игорю, Игорь плавает на научно-исследовательском судне «Витязь», и мы его никогда не видели. Я захожу в комнату, прошу разрешения посмотреть гитару. Ее давно никто не брал в руки, с торца она покрыта пылью. На головке грифа как полагается, розовый шелковый бант. Гитара завораживает своей фантастической формой, запахом дерева и лака, самым своим названием – «ги-та-ра», само слово уже звучит как музыка. Струны находятся на расстоянии сантиметра от грифа и играть на ней невозможно. Да я и не умею – просто видел, что что-то там на грифе надо зажимать. Я пытаюсь зажать – не получается. Тогда я просто тихонько бренькаю по струнам – то по трем сразу, то по каж-

дой в отдельности, и гитара отзывается волшебным звуком. Я почти играю! Заниматься этим можно до бесконечности.

В седьмом классе мы едем в настоящую биологическую экспедицию! В Хоперский заповедник, в Воронежскую область (я еще не оставил надежды стать биологом). Нас человек двадцать из двух школ, и мы будем целый месяц жить на дикой природе и изучать повадки зверей и птиц! Веселый парень Андрюша Асташкевич очень лихо играет на гитаре «восьмерочкой» и еще каким-то особо озорным боем. У него, как и положено, семиструнка (о других мы тогда и не слышали), он поет песню про перекаты, которые надо послать по адресу (я еще не знаю, что это Городницкий), и какие-то куплеты, в которых Гамлет и доктор Фауст действуют в современных предлагаемых обстоятельствах – эдакое веселое вольнодумство шестидесятых. «Вот и ходит Гамлет с пистолетом и шпагой и хочет когой-то убить, и стоит вопрос перед Гамлетом: быть или не быть». Слово «Гамлет» произносится с ударением на второй слог. Очень типа смешно. Куплеты нравятся не особо, а вот играет Андрюша здорово. Еще очень нравится, как на него смотрят девушки, когда он играет, что-то в их глазах меняется. Хочу научиться как он, но стесняюсь – я на год младше, а гитара все время на людях, Андрюша играет не переставая. Мы знаем весь его репертуар и иногда поем хором. Впрочем, при всем моем стеснении мне удастся пару раз отвлечь Андрюшу от девушек, и он показывает мне аккорды: «малую звездочку», «большую звез-

дочку» и «переходняк» из малой в большую. Была еще «обратная лесенка», но по причине ее чудовищной сложности изучение этого аккорда временно отложил. Главное же: мне показывают, как играется «восьмерочкой» – и у меня получается!

Я не смогу вам сейчас объяснить, что такое «восьмерочка» и что значила она в иерархии общих ценностей. Те, кто помнят, знают, что я имею в виду. В общем, это ритм, отдаленно напоминающий самбу, извлекаемый из гитары особым чередованием ударов по струнам большим и средним пальцами в очень быстром темпе. Нет, это бесполезно – его надо слышать. Этим ритмом исполнялись на семиструнной гитаре все дворовые, блатные, пионерские блатные, а потом и бардовские песни. Человек, владевший «восьмерочкой», автоматически становился королем. Если же она тебе не далась – не стоило и брать гитару в руки во дворе, выучи ты хоть всего Баха.

Я вернулся из экспедиции сильно воодушевленный и выпросил у своего школьного товарища Славы Мотовилова гитару для занятий. Он тоже знал три аккорда (аккорды Высоцкого!), но «восьмерочкой» не умел, и поэтому не особенно горел к гитаре. Гитара у него была маленькая и слегка продавленная, но играть на ней можно было вполне. Отчего она так притягивает меня? От гитарного звука – особенно если ты сам его издал – по спине пробегают мурашки. Я не выпускаю ее из рук, без конца повторяя три заветных аккорда.

«Солдат всегда здоров, солдат на все готов, и пыль как из ковров мы выбиваем из дорог...» На пальцах левой руки у меня мозоли, на пальцах правой – волдыри. Ночью я кладу гитару рядом с кроватью, перед сном три раза тихонько провожу пальцем по струнам снизу вверх – гитара отзывается божественным мажором. Скоро отдавать инструмент хозяину – как же жить-то дальше?

Скоро у меня появилась своя.

Мне просто повезло. Вы думаете, можно было прийти в магазин и вот так запросто, как сегодня, купить гитару? «Вам какую завернуть?» В Совок бы вас, товарищ. Недельки на две. Чтобы не пели больше песен о счастливом советском прошлом. Гитара не входила в список предметов первой жизненной необходимости, а мода на нее уже пошла – нет, пока не от Битлов: от Окуджавы, Галича, Визбора, Кима. Поэтому раз в квартал на прилавки выбрасывали свежесрубленный товар, и за ним выстраивалась чудовищная очередь. «Вас тут не стояло!», «Не больше одной гитары в одни руки!», «Касса, за гитары не пробивать – заканчиваются!» Сметали все часа за два.

А я прогуливал школу и зачем-то решил зайти в «Детский мир». Дают! Только привезли! Я успел занять очередь, съездить на метро домой, взять деньги (семь рублей пятьдесят копеек!), вернуться и стать счастливым обладателем семиструнной гитары производства фабрики муз. INSTR. им. Луначарского, г. Ленинград. Вырвался из толпы, держа гитару

высоко над головой, стоял на улице мокрый, растерзанный и счастливый. Ехал в метро, обнимая гитару за талию, нежно прижимая к себе, не в силах согнать идиотскую улыбку с лица. Мне казалось, все пассажиры поглядывают на меня с завистью. Может, так оно и было. Люди завидуют чужому счастью.

Гитара оказалась куда лучше той, мотовиловской. Она была больше, звучала громче и басовитей. Она была невероятно красивого светло-желтого цвета и восхитительно пахла свежим деревом и мебельным лаком. Параллельно было сделано важное открытие – железная пимпочка, расположенная в основании грифа, служит для регулирования высоты струн над грифом – это, оказывается, головка винта, и нужен всего-то специальный ключик, вроде как от детских заводных игрушек. Не надо больше было запихивать карандаш между грифом и декой. Дивное время открытий!

Я часто думаю: в какой степени наше гитарное остервение было вызвано всеми этими трудностями на пути к цели? Что бы произошло, если бы современные магазины музыкальных инструментов со всем их сегодняшним ассортиментом чудом переместились в советский шестьдесят девятый? Ну понятно – несколько инфарктов и буйных помешательств у особо впечатлительных. А потом? Не пропал бы интерес, по причине доступности? Или наоборот, не образовался бы такой непреодолимый разрыв в уровне мастерства наших и ихних рок-н-рольных артистов – до сих пор не до-

гоняем, и не догоним уже, видимо, никогда?

Еще через месяц у нас ансамбль. Никакой это, конечно, пока не ансамбль: просто мы вдвоем с моим одноклассником Мишкой Яшиным бренькаем на двух семиструнках (у него тоже есть!) и напеваем какие-то бардовские песни: Мишка их знает, я – нет, но поскольку разнообразия аккордов в них не наблюдается, я справляюсь. Очень красиво, когда одна гитара играет ритм, а вторая по этим же аккордам перебором – ансамбль, блин! Даже выступили на классном вечере.

Про внезапное вторжение Битлов в мою жизнь я уже рассказывал в книжке «Все очень просто», и повторяться не хочется. К тому же все мои сверстники и так помнят, что это было, всем же прочим пытаться рассказать об этом словами – бессмысленное и неблагодарное дело. Ибо слова не всесильны. Представьте себе, что всю жизнь вы пили сильно разбавленный технический спирт, подкрашенный жженой резиной и карамелькой, и это называлось «коньяк». И вы даже не знаете о существовании другого напитка под этим же названием, научились отличать три звездочки от пяти и ходите с этим друг к другу в гости. И в один прекрасный момент у вас забирают из рук мутный граненый стакан с пойлом и вкладывают туда бокал с пятидесятилетним «Камю». Нет, даже этот пример слаб и примитивен – все было гораздо ярче. Не будем о необъяснимом.

В общем, через тридцать минут после прослушивания пластинки «Hard day's Night» я отчетливо понял, что не ста-

ну ни биологом, ни архитектором, ни художником. Я вообще никем не стану, потому что быть Битлом в Стране Советов в принципе невозможно. Впрочем, будущее меня на тот момент абсолютно не интересовало. Все заслонила собой абсолютно животная потребность: постоянно слушать этот волшебный звук либо самому начать издавать такой же. Это было состояние безнадежного наркомана, и я не знаю наркотика, на который можно было бы подсесть так молниеносно и так бесповоротно.

Чудовищное разочарование постигло, когда вдруг выяснилось, что Битлы играют на совсем других гитарах: я кинулся подбирать, и все получалось вроде похоже – и что-то все время чуть-чуть не так. У них, оказывается, шестиструнки! Это, оказывается, совсем разные инструменты – семиструнка цыганская, а шестиструнка испанская! И настраиваются они совершенно по-разному, и аккорды на шестиструнке совсем другие! Сколько сил и времени было потрачено зря!

Шестиструнка обломала сложностью аккордов и еще тем, что если провести рукой по открытым струнам, то в отличие от правильной мажорной семиструнки тут звучала какая-то гадость. Зато первый правильно взятый аккорд подтвердил: вот теперь все как должно быть, по-битловски. К тому же шестиструнные аккорды оказались устроены таким образом, что звучали сразу все шесть струн и можно было лупить по ним по всем медиатором, не боясь ненароком зацепить какую-нибудь ненужную (на семиструнке это происходило по-

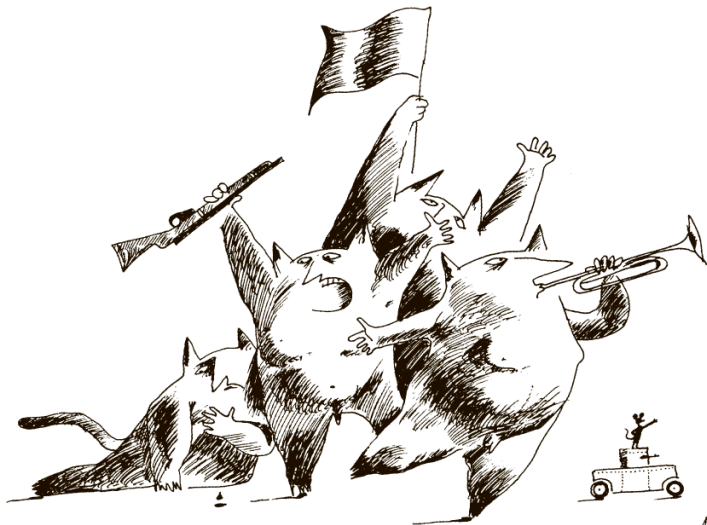
стоянно). Покупать шестиструнку не пришлось: гитара просто перестраивалась, а самая толстая седьмая струна, ставшая ненужной, выносилась за пределы грифа и фиксировалась спичкой.

А потом была первая самодельная электрогитара (сделали вместе с отцом: я руководил, он пилил), а потом другая самодельная, купленная на музыкальном толчке на Неглинке (наша с отцом совсем не играла), а потом первая настоящая – советская, а потом болгарская, а потом – производства ГДР, а потом – чешская, а потом, наконец – японская, а потом...

Я уже никогда не сосчитаю, сколько через меня прошло гитар. Каждая из них казалась воплощением совершенства, поэтому обменивалась на предыдущую с доплатой, и через некоторое время эта иллюзия неизбежно рушилась. Неважно, сколько у меня было гитар. Я любил каждую, всем им спасибо. К этому моменту мы уже были «Машина времени», и жили, отгородясь от окружающего мира непробиваемой стеной любимых звуков. Спросите, как нам это удавалось? Очень просто: мы любили их больше жизни и самой жизни без них не мыслили.

Кончились звуки детства. Пришли Битлы.

И снова про битлов

Визжу, как кривят морду тридцати-сорокалетние: «Ну сколько можно? И вообще АББА и Бони-М лучшие!» Друзья мои, успокойтесь. Я не про то, что лучшие. Для каждого из нас лучшие то, с чем он вырос, под чью музыку впервые поцеловал девушку и проснулся наутро рядом с ней. Музыка – лишь часть общей картины счастья.

Целое поколение успешных и образованных людей сего-

дня неистово отплясывает под чудовищный «Ласковый май» и «Мираж» – они в общежитии на первом курсе под это плясали, это теперь навсегда с ними. Музыка тут только помогает им вспомнить самих себя – молодых и неотразимых. Качество самой музыки при этом не имеет, увы, значения. Я про другое.

Четыре совсем юных, не шибко красивых и, в общем, необразованных парня перевернули мир. Причем совершенно не ставя перед собой такой задачи. Они просто хотели играть рок-н-ролл как все. Ну, допустим, лучше всех – кто не хочет? История человечества еще не знала примеров (и, видимо, уже не узнает), когда молодые люди всей планеты как по команде побросали все, чем они увлекались – спорт, науку, рисование, кино, книги, театр, собирание марок, кошек, собак, аквариумных рыбок, – и схватились за электрогитары. Даже девушки отошли на второй план – хотя на электрогитару они слетались как мухи на мед. Достаточно было пройти по Тверской с чехлом от гитары (без самой гитары чехол был гораздо легче), чтобы в этом убедиться. Все вдруг захотели стать как Битлы. Какая могучая цепная реакция сработала?

Ведь Битлы ничего не открыли. Не они придумали рок-н-ролл и биг-бит – это сделали до них другие музыканты. И они в своей жуткой провинциальной портовой дыре (а Ливерпуль и сейчас порядочная дыра) торчали на Элвисе Пресли и Чакке Берри и мечтали о приличных гитарах и нормальных усилителях. (Поразительно, что они не просто из одно-

го города – они еще практически из одного квартала. Ничем, кроме узкого луча, пролившего Божий свет на небольшое пространство, я это совпадение объяснить не могу.) И в клубе «Каверн» они были не на лучшем счету – им приходилось играть днем, в обеденный перерыв, для людей, зашедших перекусить в рабочий полдень. И менеджер их Брайан Эпстайн целый год бегал по студиям, где профессионалы шоу-бизнеса мягко ему объясняли, что группа – это вообще сегодня не модно, пусть возьмут себе солиста, а сами аккомпанируют. Что же случилось потом?

А потом масса обстоятельств, незначительных сами по себе, слились воедино и детонатор сработал. Битлы ворвались в каждый дом, в каждую душу живущих на планете молодых людей, легко преодолевая языковые барьеры и шутя ломая железные занавесы. Что это было? Тут и невероятная битловская музыкальность, и юношеское обаяние, и судьбоносная встреча с гениальным Джорджем Мартином, и тот факт, что широкие слои человечества дозрели, наконец, до рок-н-ролла, и он перестал быть достоянием стилияг, и еще много-много всего. Хотите, я перечислю вам все ингредиенты божественного супа, можете сложить их в кастрюлю, залить водой и поставить на огонь – супа у вас не получится. Тут что-то еще – мантру над кастрюлей читать, например. Потому-то я и не считаю историю наукой: легко объяснять уже произошедшее – только вот будущее на основе этих объяснений не моделируется.

Итак, смею предположить, что помимо всего перечисленного, магия сокрыта в самом битловском звуке. Рискую утверждать, что гитары «Рикенбекер» и «Грейч», будучи включенными в ламповый усилитель «ВОКС АС-30» производили эффект, наукой не объясненный. Конечно, это всего лишь один из факторов, но вытащи из нашего супа маленькую луковку – и все, не получилось. Лично у меня этот звук до сих пор вызывает легкое движение мурашек по спине, поэтому дома у меня стоит вышеозначенный усилитель с включенной в него вышеуказанной гитарой (в данном случае – «Рикенбекер») и я периодически прибегаю к этого рода звуковой терапии.

Скажите, я псих?

Звук ранних битловских песен – упруго-резиновый, сметающий все на своем пути, при этом кристально-прозрачный и бесконечно глубокий, звук, созданный сэром Джоржем Мартином в студии № 2 на Эбби Роуд, уникален. Он не стареет. Фантастические нагромождения психodelики семидесятых, казавшиеся нам тогда волшебными замками из будущего, рассыпались в прах за каких-то десять лет, и сейчас их претенциозные руины выглядят жалко и смешно, а пластинка «Hard Day's Night» звучит так, как будто записана сегодня. Или завтра. А что сделал сэр Джордж? Просто записал живьем поющих и играющих гениальных ребят, продублировал кое-где гитару и голос (это называется «дабл-трек», а других-то ухищрений тогда и не было!) и пропустил гото-

вую запись через компрессор, причем сильно разогнанный. (Я не хотел лезть в науку, и все-таки полез. Компрессор, грубо говоря, – прибор, выравнивающий и уплотняющий общую картину звучания. В те времена он, как и все остальное, был ламповым.) Элементарное, казалось бы, решение, а Мартин с битловским звуком занял эту нишу навсегда. И попробуй кто сейчас этот приемчик применить – тут же со всех сторон сочувственные улыбки: «Под Битлов косят...» Да нет, используют этот прибор постоянно и сейчас (а сколько новых появилось!), но аккуратненько, с оглядкой. А там было дерзко, на грани хулиганства. Сохранились, кстати, записи битловской игры и пения без участия Мартина – с концертов, радио, телевидения (вот время было – везде живьем пели! Вернется ли когда-нибудь?) Все то – а не то. Эта компрессия стала очень важной составляющей битловского звука.

А как юноши пели! Музыкально, профессионально – ничего не сказать (хотя отнюдь нетипично – заря биг-бита была эпохой дилетантов). Невероятная молодая энергия перла из них, как росток из зерна, как хрен из штанов. Они ничего из себя не изображали. Они не кривлялись – даже когда кривлялись. Они были божественно естественны. А сами голоса! Идеально сливающиеся в унисоне и в аккорде и такие волшебны разные по отдельности: слегка гнусавый и смешной от своей серьезности голос Ринго, какой-то замкнутый, словно глядящий сам в себя тембр Харрисона. Голос Пола –

прикосновение мягкой беличьей кисточки. Леннон – бритвой по коже: еще не больно, а кровь уже выступила. Каждый своим звуком, каждым мгновением своего существования Битлы кричали: «Какой же ерундой вы все занимаетесь! Делайте, как мы!»

И мир рухнул.

Случай из жизни. Глухая, когда-то староверская деревня Кимжа Мезенского района Архангельской области. Молодой механизатор Леха, вернувшись домой, застаёт свою бабушку Аглаю за невероятным занятием: она непрерывно перематывает назад песню «Yesterday» на лехином магнитофоне, слушает ее снова и снова и беззвучно рыдает. Леха, оторопев: «Бабушка, ты чего?» Бабка Аглая: «Так ить ангел поет!»

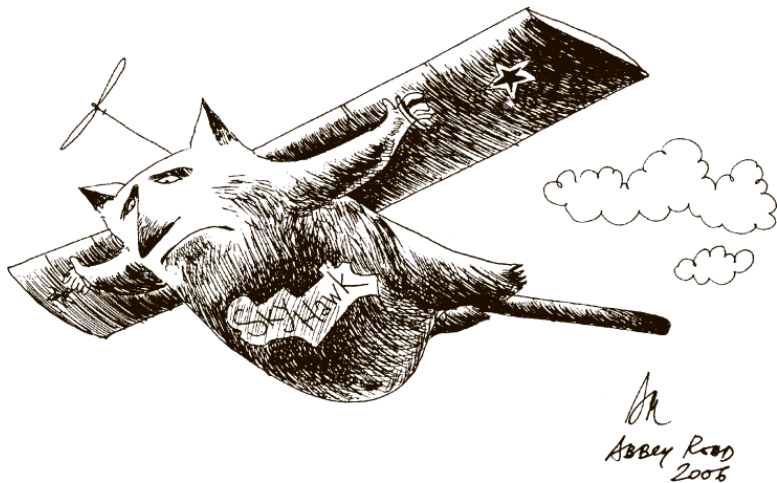
Мы не можем даже приблизительно представить себе, каким был бы мир сегодня, если бы сорок пять лет назад он не услышал Битлов. Но поверьте мне, он был бы совсем другим. И эта мощнейшая индустрия, называющая себя популярной музыкой, эта отлаженная, делающая миллиарды машина – какой была бы она сегодня? И была бы вообще?

Когда я осознал, что мы действительно едем записываться на Эбби Роуд в студию № 2, я изо всех сил старался успокоиться. Знаю-знаю – «как пострелять из пистолета Дзержинского», смешно. И сто лет я уже никакой не фанат, а наоборот, взрослый человек, трезво смотрящий на вещи. И все-таки. Мы едем в студию, в которой совершалось чудо. Чудо, перевернувшее мир.

Со времени, когда во Второй студии работали Битлы, в ней ни разу не производили ремонта. Не перестилали паркет, не красили стен, не вбили ни одного гвоздя. Потому что звук – это не только пение и игра на инструментах, не только микрофоны, уши и руки звукорежиссера – это и стены, и пол. И атмосфера, только этой студии присущая. На вид это типичная студия шестидесятых – очень похоже на Государственный дом радиовещания и звукозаписи на улице Щепкина – если там сейчас ничего не намодернизировали. В этой студии какой-то особенный запах: едва уловимый, чуть-чуть погреб, чуть-чуть музей, хотя вентиляция там идеальная. Это отнюдь не музей: студия расписана на год вперед, стоит очень дорого и лучшие музыканты мира занимают туда очередь. В мире масса суперсовременных студий – почему туда? Не подражать же Битлам – это смешно. Может быть, просто чтобы получить на выходе гарантированно качественный продукт – из ста лучших альбомов мировой поп-музыки семьдесят записаны на Эбби Роуд. А может быть, в глубине души надеются, что неразгаданное битловское волшебство, творившееся здесь когда-то и впитавшееся в эти стены, слабым отраженным лучиком упадет на них? Ждут чуда?

Но ведь музыка – это и есть чудо.

Что такое музыка

А вы никогда не задавали себе этот вопрос? А ну-ка попробуйте на него ответить. Я затруднился и полез в словари. Оказалось, страшно интересно: они дают на этот простой вопрос довольно разные ответы.

Начнем по старшинству – с Даля: «Музыка (мусикия) – искусство стройного и согласного сочетания звуков, как последовательных (мелодия, напев, голос), так и совместных (гармония, соглас, созвучие), равно искусство это в действии».

Ладно.

Толковый словарь русского языка под редакцией проф.

Ушакова:

«Искусство, в котором переживания, настроения, идеи выражаются в сочетаниях ритмически организованных звуков и тонов».

Большой энциклопедический словарь:

«Музыка – вид искусства, в котором средством воплощения художественных образов служат определенным образом организованные музыкальные звуки». (А музыкальные звуки – это, видимо, то, из чего состоит музыка? Bravo! Когда-то давным-давно, еще в советские времена я читал старинную кулинарную книгу Елены Молоховец и мучился вопросом – что такое каперсы, они мелькали на страницах тут и там, их следовало добавлять в различные блюда. Советским гражданам это слово было незнакомо – каперсы не входили в их рацион. В конце концов я полез в вышеуказанный словарь и прочитал: «Каперсы – плоды растения семейства каперсовых». Сразу все понял.)

А странно, правда? Сложнее всего дать определение самому обыденному и привычному, тому, с чем мы имеем дело каждый день. Что такое воздух? Да то, чем мы дышим!

В общем, попробовал сам. Получилось примерно вот что: «Музыка – это действие человека, направленное на создание либо воспроизведение совокупности звуков, являющее из себя конечную цель». Немного коряво, но понятно, да? То есть стук в дверь или сигнал автомобиля музыкой не будет – зада чи другие: это чтобы дверь открыли и с дороги ушли.

А музыка – извлечение звуков с целью самого их извлечения. Можно, конечно, возразить, что цель – услаждение наших с вами ушей. Но это вечный вопрос: художник написал полотно для Бога или чтобы загнать подороже? (И почему, кстати, одно непременно противоречит другому?) Мой друг поэт Михаил Генделев убежден, что стихи пишутся вообще не для людей. Нет, если хотите – читайте, пожалуйста. А можете не читать – они от этого хуже не станут. У индейцев была скрипка, она состояла из грифа со струной и смычка. Конец грифа зажимался зубами и голова музыканта становилась резонатором, музыка звучала только внутри нее. Шаман может работать с бубном один, ему не нужны зрители. Можете, конечно, сказать, что это не музыка – это он стучится в двери другого мира. Товарищ Жданов, подписывая приговор Шостаковичу, утверждал, что музыка – это то, что можно напеть. Сегодня это понятие куда шире – пойдешь напой Пендерецкого.

И все-таки, что-то в словах этого урода есть. И мы вернемся к этому позже.

То, о чем я хочу рассказать, пришло мне в голову не вчера. Я уже касался этого в книжке «Сам овца». И я убежден, что тема эта ждет настоящего научного исследования. Я же не ученый. Но, будучи музыкантом, и работая с музыкантами, я вижу, как часто люди пытаются делать музыку, опираясь только на свой вкус и интуицию, совершенно не понимая, чем они занимаются. Ибо вкус небезупречен, а интуи-

ция подводит.

Так что такое музыка?

Полусумасшедший-полугений Андрей Белый написал в 1917 году книжку под названием «Глоссолалия: поэма о звуке». (Вот ведь! На дворе семнадцатый год, мир летит в тартарары, а он пишет поэму о звуке. Фантастика!) Книжка эта напечатана была в Берлине в 1922 году, насколько мне известно, не переиздавалась, и найти ее сегодня довольно сложно. Вот что он пишет: «Глубокие тайны лежат в языке: в громах говорю – смыслы огромного слова; но грома говорю и мгновенные молнии смыслов укрыты метафорным облаком, проливающим из себя в волны времени линии неизливаемых понятий; и как несхожи нам ливень, грома, облака, так несхожи и смыслы звучаний, и образы слова; отличен от них сухой плоский понятийный смысл.

Что такое земля? Она – лава; лишь корост кристаллов (камней) сковал пламень; рокоты лавы бьются в жерла вулканов; и верхний пласт – земля – так тонок; покрыт он травой.

Так и слово, которое – буря расплавленных ритмов звучащего смысла; толщею кремнистых корней эти ритмы окованы; пылкий смысл утаен; верхний пласт – слово-образ (метафора); его звук, как гласит нам история языка, только склейка разъединенных, разъедаемых звуков; а образ – процесс разрушения звука; и смыслы обычного слова – трава! – начинают расти из него».

Тяжеловато читать Белого? Отвыкли от настоящего рус-

ского языка? Хорошо, переведу на современный. Андрей Белый говорит о том, в самих звуках, из которых складывается слово, скрыты эмоции, настроения, и каждый звук несет в себе только ему присущее состояние. Далее поэт разбирает каждую букву русского алфавита, препарируя звуки и извлекая спрятанные в них ощущения, цвета, а иногда – позы и движения, этим ощущениям соответствующие. Теория его во многом объясняет чудо поэзии. Ведь поэзия – это не просто зарифмованные истории, правда? Чем тогда стихи Бродского отличаются от стихов обычного графомана? Только качеством рифмы?

Не задумывались, кстати, почему поэты зачастую так странно читают свои стихи? Вот он разговаривает как обычный человек, отвечает на вопросы, а попросили почитать – прикрыл глаза, помолчал, и вдруг – совсем другим голосом, протяжно, подвывая. Зачем он так? А его распирают смыслы, спрятанные в каждом звуке каждого слова, которые он, как архитектор, собрал вместе и скрепил в единственно верной последовательности. Это в нем звучит мелодия, еще не обросшая словами, та самая, которая заставила его написать этот стих. И слышит он там больше, чем слышим мы: архитектор знает построенный им храм до последней стяжки, до последней капли раствора. А потом, не дай бог, пришел дурак-композитор, положил стих поэта на свою музыкачку – и вдруг все умерло и засмердело. Ибо стих самодостаточен, и спрятано в нем ровно столько музыки, сколько поэт посчи-

тал нужным, а стих требовал, и добавление в сливочное масло масла машинного ни к чему хорошему не приведет. Музыка стиха и музыка музыки убьют друг друга. Знаю редчайшие примеры, когда все чудом обошлось – и поэт хороший, и композитор, и песня получилась. Хороших поэтов так же мало, как и хороших композиторов, хороших композиторов, слышащих музыку стиха – еще меньше, вероятность их встречи почти равна нулю. Да и не станет хороший композитор, слышащий музыку стиха, уродовать этот стих своей хорошей, но ненужной этому стиху мелодией – он попросит поэта написать ему ТЕКСТ. А текст – это отнюдь не стихи второго сорта: это составляющая часть песни, и цельным произведением уже будет песня – удивительный гибрид слова и мелодии, и будучи из этой песни вынутым и представленным в виде стихотворения, текст в отрыве от своей мелодии будет выглядеть несовершенным. Поэтому меня раздражают тексты песен (даже самых лучших!), изданные в виде стихов. Создание песни – отдельная тема, и если хотите, мы к ней еще вернемся. А пока – на чем мы остановились?

Так вот. Андрей Белый был поэт, и интересовала его лишь музыка фонетическая, спрятанная в звуках, нами произносимых. Меня же всегда волновала тайна мелодии. Что это такое? Почему сочетание звуков разной частоты вызывает у нас сопереживание? Причем, заметьте, наши сопереживания будут схожими! А ведь мелодия абстрактна, верно? Абстрактное полотно – если это живопись – способно вызывать

у каждого человека индивидуальные ощущения и ассоциации.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.